

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

Гёте и Гегель: целостность мыслителя и системность философа

П. А. Горохов¹, Е. Р. Южанинова²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге)
Оренбург, Россия*

² *Оренбургский государственный университет
Оренбург, Россия*

Аннотация

Рассмотрены основные элементы воздействия творчества Гёте на философские построения Гегеля и влияние гегелевской системы на целостное мировоззрение Гёте. Генетически происходившие из одного временного и социокультурного потока воззрения Гёте и Гегеля на историю, природу, свободный человеческий дух и на саму философию как базис продуктивной человеческой культуры во многом совпадали. Взаимоотношения Гёте и Гегеля позволяют разграничить понятия «философ» и «мыслитель»: у так называемого «профессионального» философа наблюдается стремление к системности, а у мыслителя системность перерастает в целостность.

Ключевые слова

Гёте, Гегель, история философии, философское мировоззрение, системность, целостность, противоречие, диалектика

Для цитирования

Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Гёте и Гегель: целостность мыслителя и системность философа // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 271–284. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

© П. А. Горохов, Е. Р. Южанинова, 2019

Goethe and Hegel: The Thinker's Integrity and the Philosopher's Systematicity

P. A. Gorokhov¹, E. R. Yuzhaninova²

¹ *Russian Academy of National Economy and Public Administration
Orenburg, Russian Federation*

² *Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation*

Abstract

The article discusses the main elements of Goethe's spiritual influence on Hegel's philosophical constructions and the influence of the Hegelian system on Goethe's whole worldview. The views of Goethe and Hegel on history, nature, free human spirit and philosophy itself, as the basis of productive human culture, largely coincided genetically from a single temporal and sociocultural flow. The relations between Goethe and Hegel make it possible to distinguish between the notions of "philosopher" and "thinker": the so-called "professional" philosopher has a tendency towards systematicity, and with a thinker the systematism develops into integrity.

Keywords

Goethe, Hegel, history of philosophy, a philosophical world view, systematicity, integrity, contradiction, dialectics

For citation

Gorokhov P. A., Yuzhaninova E. R. Goethe and Hegel: The Thinker's Integrity and the Philosopher's Systematicity. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 271–284. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-271-284

К проблеме генетического родства философских мировоззрений великого систематика Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) и универсального гения Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832) в отечественной историко-философской литературе обращались не часто. Заслуживают упоминания работы К. А. Свасьяна [2001] и А. В. Гулыги [1970; 2001]. Ранее к некоторым аспектам проблемы неоднократно обращался один из авторов предлагаемой работы [Горохов, 2002; 2003а; 2003б]. На наш взгляд, самой содержательной стала книга Г. Н. Волкова «Сова Минервы» [1973], посвященная изучению стилей мышления Гёте и Гегеля. В ней рассматривается

поиск этими мыслителями диалектического метода постижения действительности.

Гегель недаром с некоторой долей иронии говорил, что великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объясняли. Обращение к наследию великих мыслителей прошлого оправдано тем, что в их трудах можно найти ответы на многие актуальные вопросы современности. Объектом настоящего исследования выступает наследие Гёте и Гегеля, предметом – их философские воззрения. Цель этой работы реализуется решением двух взаимосвязанных задач: 1) рассмотреть основные элементы воздействия творчества Гёте на философские построения Гегеля и 2) оценить влияние гегелевской системы на целостное философское мировоззрение Гёте.

Становление самосознания германской нации, не представлявшей собой единства в политическом отношении во времена Гёте и Гегеля, происходило через культуру, в том числе через философию. Политикой немцы, в отличие от французов, интересовались мало. Поэтому Гегель иронизировал:

У нас гуляют всякого рода беспокойные мысли – в голове и на голове; однако при этом немецкая голова чаще всего оставляет спокойно ночной колпак на себе и оперирует лишь в своих пределах [2001. С. 477].

Дотошные историки выяснили, что между Гёте и Гегелем существует отдаленное кровное родство: некто Иоганн Лаук, бургомистр Франкенберга, который жил в XVI в., являлся их общим предком. Ни Гегель, ни Гёте и не подозревали об этом.

К философии как таковой Гёте и Гегель относились по-разному. Для Гегеля философия была не только «мыслящим рассмотрением предметов», «познанием посредством понятий» [Гегель, 1929. С. 18], но и самосознанием эпохи, систематически выраженным мышлением. В «Философии права» он дает знаменитую формулу: «Философия есть... *современная ей эпоха, постигнутая в мышлении*» [Гегель, 1934. С. 14]. Напротив, Гёте в статье «Влияние новой философии», напечатанной им в 1820 г., писал:

Для философии в собственном смысле у меня не было органа; только постоянное противодействие, которое я вынужден был оказывать, чтобы выдерживать натиск внешнего мира и усваивать его, должно было привести меня к методу, посред-

ством которого я старался понять мнения философов, как будто это были тоже предметы, и с помощью их усовершенствоваться [1957. С. 377].

Отметим, что выдающиеся немецкие философы, начиная с Канта, отказались от популяризации философии. Гегель так пишет об этом:

Вплоть до появления кантовской философии публика еще шла в ногу с философией; до появления кантовского философского учения философия возбуждала к себе всеобщий интерес. Она была доступна, и ее желали знать; знание ее входило вообще в представление об образованном человеке. Ею поэтому занимались практики, государственные люди. Теперь, когда выступил путанный идеализм кантовской философии, у них опускаются крылья. Таким образом, уже с выступлением Канта положено было начало этому отделению от обычного способа сознания [2001. С. 534–535].

Видимо, Гегель не был против того, что философия в немецких землях стала занятием для «профессионалов». Одновременно, он осознает, что такая университетская философия во многом обречена на неуспех. Поэтому Гегель не без иронии отмечает, что Фихте не удалось «принудить читателя к пониманию», несмотря на все его героические попытки. Все это видел и понимал Гёте. К немецкой философии, которую олицетворяли Кант и Фихте, Шеллинг и Гегель, поэт и мыслитель относился с некоторой долей недоверия, как и в целом к отвлеченному мышлению. Поэтому во второй части «Фауста» Мефистофель, поучая Гомункула, иронизирует:

Где призраки, свой человек философ.
Он покоряет глубиной вопросов,
Он все громит, но после всех разносов
Заводит новых предрассудков тьму
[Гёте, 1976. С. 293–294].

Если Гегель постулировал, что «философствование без системы не может иметь в себе ничего научного» [Гегель, 1929. С. 32], то для Гёте философия выступала творением свободного человеческого духа, который трудно загнать в прокрустово ложе отвлеченных схем. Жизнь богаче и сложнее самой совершенной философской системы. Мыслитель говорил своему секретарю Эккерману:

Немцам... изрядно мешает спекулятивная философия. Она делает их стиль отвлеченным, нереальным, расплывчатым и неопределенным. Чем теснее их связь

с той или иной философской школой, – тем хуже они пишут [Эккерман, 1986. С. 120].

И еще одно колкое, но меткое замечание:

Что должны подумать англичане и французы о языке наших философов, если мы, немцы, его не понимаем [Эккерман, 1986. С. 498].

Значительное влияние Гёте на Гегеля порой преуменьшается или гипертрифурруется некоторыми исследователями. Например, Г. Глокнер пишет:

Весь интуитивный и созерцательный опыт Гёте требовал методической формы; эта форма наличествовала у Гегеля. Но, напротив, и чрезмерность специфически логического формализма, которой характеризовалась гегелевская диалектика, нейтрализовалась благодаря соприкосновению с Гёте [Glockner, 1929. S. XX].

Особую благотворность воздействия Гёте на Гегеля этот ученый связывает с отсутствием в диалектике Гёте понятия «противоречие». На наш взгляд, это преувеличение. Представления о противоречии имплицитно присутствуют в гётевском понимании исторического процесса. Ведь и Гёте, и Гегель были современниками судьбоносных для всего человечества исторических событий. Поэтому центр тяжести их историософских представлений сосредоточивался в живой середине исторического мирового процесса, в противоречивой непосредственной современности. Гётевское понимание противоречивости исторического процесса повлияло на Ф. В. Й. Шеллинга, который в своих мюнхенских лекциях «Система мировых эпох» (1827–1828) переосмыслил гегелевское понимание противоречия в том плане, что противоположности не должны растворяться в некоем абстрактном единстве, а должны иметь носителя, дабы вообще существовать в качестве противоречия.

Э. Блох в «Тюбингенском введении в философию» делится мыслями о связи «Фауста» и «Феноменологии духа»:

...есть только одно философское произведение, которое с самого начала, с настоящего введения мотива путешествия по миру эквивалентно «Фаусту»: гегелевская «Феноменология духа». Оба произведения разными способами освещают материал древнего предания. Остается только удивляться, что эта близость зачастую остается незамеченной. {...} происходящее в «Фаусте» и «Феноменологии», невзирая на возраст, имеет вещественные связи в едином основании, как в плане построения произведения, так и в плане определенного содержания [Блох, 1997. С. 99].

Действительно, страстные поиски смысла жизни и высшей истины, ведомые Фаустом, во многом схожи с блужданиями мирового духа, выступающего главным героем первого крупного философского труда Гегеля «Феноменология духа» (1806). Мировой дух прокладывает путь к истине. Гегель стремился показать сознание человека и человечества в историческом развитии. Сам по себе этот замысел грандиозен, но тяжелый язык и запутанность мысли во многом путают читателя нашего времени. Гегель, когда хотел, мог писать ясно и даже красиво (вспомним хотя бы его «Лекции по истории философии»), но многие параграфы «Энциклопедии философских наук» или «Философии права» можно понять лишь после разъяснений и комментариев самого автора.

Отметим, что труд «Феноменология духа», публикация которого прославила Гегеля, вышел в свет практически одновременно с философским романом Гёте «Избирательное сродство» (1809). В этом романе мыслитель и писатель размышляет о свободном выборе, лежащем в основе человеческих взаимоотношений, о соотношении природного и социального. Гёте прощается с обособленной вселенной поэтического творчества, которое было ориентировано исключительно на традиции классического стиля, и обращается к философии естествознания, прежде всего к химии, законы которой порой могут определять судьбу человека и народов. А. В. Михайлов пишет по этому поводу:

Одновременность двух шедевров – свидетельство тех устремлений, которым придавали ясность формы немецкие классические писатели, показатель сложнейших диалектических процессов, происходивших в литературе... [1997. С. 295].

В «Энциклопедии философских наук» Гегель в параграфе 140, рассуждая о внешнем и внутреннем, в примечаниях вспоминает Гёте и его полемику с ботаником Альбрехтом фон Галлером-младшим (1758–1823). Он пишет:

Обычная ошибка рефлексии состоит в том, что она рассматривает *сущность* как нечто только *внутреннее*. Если сущность берут только с этой стороны, то этот способ рассмотрения ее также совершенно *внешен*, и так понимаемая сущность есть пустая внешняя абстракция. «Природы *внутреннюю* суть – говорит один поэт, – познать бессилён ум людской; Он счастлив, если видит путь к знакомству с внешней скорлупой». Поэт скорее должен был бы сказать, что тогда именно, когда сущность

природы определяется для него как *внутреннее*, он знает лишь *внешнюю* скорлупу [Гегель, 1929. С. 233].

Здесь Гегель следует по тому пути, который уже проложил Гёте. Например, философ пишет:

Как при рассмотрении природы, так и при рассмотрении духовного мира, очень важно надлежащим образом понять характер отношения внутреннего и внешнего и остерегаться ошибки, будто лишь первое есть существенное, что только оно, собственно говоря, имеет значение, а последнее, напротив, есть несущественное и безразличное. Эту ошибку мы встречаем прежде всего там, где, как это часто случается, различие между природой и духом сводят к абстрактному различию между внешним и внутренним [Гегель, 1929. С. 234].

Гегель и Шеллинг искали такие формулы синтеза, в которых природа раскрывалась бы как бессознательный дух, а дух – как сознательная природа. Гёте также не был чужд этому слиянию духа и природы, о чем свидетельствует хотя бы его стихотворение-манифест «Природа» (1782), написанное в прозе.

Гегель принял учение Гёте о цвете и включил размышления о нем в свой труд «Философия природы», в первую часть «Энциклопедии философских наук». Особенно привлекли Гегеля мысли Гёте о противопоставлении света и тьмы. Одно письмо Гегеля, касающееся учения о цвете, Гёте даже напечатал в качестве добавления к своему труду и написал следующее:

...мне приятно, что профессор Гегель согласен со мной. Для меня важно было увидеть и осознать, как философ на свой лад знакомится с тем, что излагалось мною по моему методу, и соответственно с этим ведет себя. Тем самым мне было позволено рассмотреть таинственно ясный свет как высшую энергию, вечную, единую и неделимую [Goethes Sämtliche Werke, 1970. S. 305].

Физик и врач Герман Гельмгольц (1821–1894) полагал, что описания опытов Гёте, опровергнувшего оптику Ньютона, следует воспринимать не как физические объяснения, а как образно-чувственное представление о происходящем:

Гёте в своих естественнонаучных работах стремится не покидать область чувственного созерцания, а всякое физическое объяснение... должно стать плодом постигающего рассудка [Helmholtz, 1867. S. 305].

Гельмгольц считал, что Гегель, как и Гёте, в явлениях природы стремился видеть выражение определенных идей или определенных ступеней диалектически развивающегося мышления.

Неслучайно Г. Хамм, написавший содержательную монографию о философских взглядах великого поэта, отмечает: «Гёте осуществляет способ мышления объективного идеализма» [Hamm, 1975. S. 18]. На наш взгляд, этот вывод, как и суждение А. В. Гулыги о том, что Гёте был материалистически ориентированным натуралистом [2001], является попыткой наклеить на мыслителя очередной ярлык, но в философских воззрениях Гёте и Гегеля, действительно, можно найти много общего – прежде всего, в понимании природы и свободного человеческого духа.

Но схожесть философских воззрений Гёте и Гегеля порождала одновременно и существенные различия в них. Считавший продуктивность природы и человеческого духа главной основой бытия [Горохов, 2003б. С. 89–91], Гёте отрицал чрезмерный логицизм и абстрактность философии Гегеля. Бытие у великого философа выступает как абстракция непосредственного, а не конкретность вещи. Гегель говорит о бытии как философской категории, а Гёте – о живой природе и ее существовании. П. А. Горохов отмечает:

У Гёте на место понятия «бытие» приходит сама природа, а природа для него – Земля, небо, лес, поле. Гёте были чужды рассуждения Гегеля о явлении вообще, о действительности в целом, то есть все то, что в гегелевском понимании действительности было предопределено Кантом и его наследием [Там же. С. 237].

Интересно исследование Г. Шмитца о мировоззрении зрелого Гёте, в котором он затронул проблему близости и различия в понимании сущности и явления Гёте и Гегелем. Для Гегеля сущность является чем-то логическим, а для Гёте – это форма, облик, эйдос [Smitz, 1959. S. 68–69].

Плодотворное общение Гёте с Гегелем явилось интереснейшим событием в истории немецкой философии и литературы. Гёте встречался с Гегелем, беседовал с ним и время от времени обменивался письмами. Однако, не стремясь к созданию системной философии, душащей тесными рамками живую природу, говорил: «Я не хочу углубляться в философию Гегеля, хотя сам Гегель мне приятен» [Goethe, 1950. S. 60].

Гегель написал Гёте в первый раз в 1803 г. Гёте во многих ключевых аспектах был сторонником философии Спинозы. Он полагал, что теория только тогда может быть плодотворной, если она согласуется с практикой. Поэтому Гёте отрицательно оценивал диалектику Гегеля, полагая, что она «запутывает» ясный ум. Гёте считал, что исходным пунктом проверки состоятельности любой философской доктрины должно быть не отвлеченное теоретизирование, а практическая пригодность этой доктрины.

Гёте был уверен, что диалектический метод Гегеля часто применяется для доказательства неверного, ложного, и что единственно верным критерием являются природа и практика. Весьма интересен в этом отношении разговор, записанный Эккерманом, происходивший в октябре 1827 г., когда Гегель гостил у Гёте. Эккерман пишет 18 октября 1827 г.:

Здесь Гегель... Заговорили о сущности диалектики. В сущности, диалектика, – сказал Гегель, – ничто иное, как упорядоченный и методически развитый дух противоречия, врожденный всякому человеку; этот дар обнаруживается великим образом в различении правильного от ложного. – Да, – сказал Гёте, – если бы только таким умственным искусством и умелостью не злоупотребляли столь часто и не прилагали к тому, чтоб ложное представлять правдивым, и правдивое ложным. – Это, конечно, случается, – возразил Гегель, – но только у умственно-больных людей. – Я стою, – сказал Гёте, – за изучение природы, не допускающее такой болезни! При этом мы имеем дело с бесконечной и вечной правдой, и всякий, кто не вполне чисто и честно производит наблюдения и делает из них заключения, выбрасывается вон, как негодный. И я уверен, что многие диалектические болезни могли бы получить благодетельное целение в изучении природы» [1986. С. 487].

М. Бур и Г. Иррлиц пишут:

Можно сказать, что в мировоззрении и поэтическом творчестве Гёте, прежде всего в той части, где речь идет о реализации субъективности в общественной действительности, в поэтической форме выражены все аспекты философского изложения проблемы, которую Гегель проводит как идею реализации разума [1978. С. 252].

Но Гёте не был сторонником того культа разума, которому Гегель в «Философии права» воздвигнул памятник своей знаменитой формулой «Все разумное – действительно, все действительно – разумно». У Гёте есть прекрасные слова, которые можно считать своеобразным возражением формуле Гегеля: «Не все сущее делится на разум без остатка» [1957. С. 395]. Безудержное восхваление разумности жестокого и несправедливого мира может привести к концу цивилизации. Наверное, об этом размышлял Аль-

берт Швейцер, когда написал о формуле Гегеля так: «В ночь на 25 июня 1820 года, когда эта фраза была написана, началась наша эпоха, которая привела к мировой войне и однажды закончится гибелью культуры» (цит. по: [Seaver, 1955. P. 360]).

«Фауст» считается главным философским творением Гёте. Когда вышел «Фрагмент» из «Фауста», Гегелю было двадцать лет. Первую часть, вышедшую в 1808 г., Гегель называл «абсолютной философской трагедией» [1971. С. 602–603]. Гегель при создании собственной философской системы использовал некоторые идеи Гёте, высказанные уже в «Фрагменте». В «Феноменологии духа» Гегель, хотя и не упоминал творения Гёте, однако выделял из него волновавшую его проблему соотношения сознания и действительности, проблему перехода от мышления к действию.

Гёте в «Фаусте» пришел к убеждению, что Добро и Зло являются абсолютно равными, но противоположными друг другу силами. Гегель считал, что зло необходимо в мире именно потому, что оно побуждает добро активно бороться против него, а тем самым конституироваться и противостоять ему. Гегель видит в самом дьяволе энергию, последовательность и силу характера [1977. С. 256, 259]. Зло, порожденное падшим ангелом, несет в себе не только разрушительное, но в какой-то мере и созидательное начало. Как и Гегель, Гёте утверждает, что развития без борьбы противоположностей не существует. Недаром Мефистофель говорит лемурам об ангелах, сравнивая их с «переодетыми» чертями: «Es sind auch Teufel, doch verklappt».

Фигура Фауста для Гегеля воплощает самосознание, которое еще не соприкасается с действительностью, но стремится к ней. «Самосознание», т. е. Фауст, «оставляет позади себя закон нравов и наличного бытия, знания, полученные от наблюдения, и теорию, как серую, тотчас же исчезающую тень... Итак, оно погружается в жизнь и осуществляет чистую индивидуальность, в которой оно выступает» [Гегель, 1959. С. 193]. Судьбу Фауста Гегель понимал как воплощение одной из стадий духовного развития человека.

В последние месяцы жизни Гёте перечитывал некоторые работы философа. Композитору Цельтеру 13 августа 1831 г. он писал:

Природа ничего не делает просто так, но она творит в своей вечной жизни, изобилии и щедрости, чтобы в каждый момент времени на земле присутствовало бесконечное, ибо ничто не может оставаться неизменным навсегда. В этом я, как мне кажется, приближаюсь к гегелевской философии [Goethes Werke, 1975. S. 58].

Это – признание воздействия системы Гегеля на философские представления Гёте.

Немецкая литературная классика в целом и творчество Гёте в частности глубоко повлияли на формирование мировоззрения Гегеля. Гегель всю жизнь хранил Гёте благодарность за те новые перспективы философского мышления, которые открыло ему творчество великого поэта и мыслителя. Воззрения Гёте и Гегеля на историю, природу, свободный человеческий дух и саму философию как базис продуктивной человеческой культуры во многом совпадали. Взаимоотношения Гёте и Гегеля позволяют разграничить понятия «философ» и «мыслитель» – прежде всего, в том плане, что у так называемого «профессионального» философа, наблюдается стремление к системности, а у мыслителя системность перерастает в целостность.

Но, несмотря на все различия, философские мировоззрения Гёте и Гегеля генетически происходили из одного временного и социокультурного потока. Если рассматривать философию как особую форму человеческой культуры, синтезирующую в постижении мира научный и художественный подходы, то Гёте, испытывая влияние выдающихся современников, был мыслителем, явившимся подлинным генератором многих ключевых идей немецкого идеализма, в том числе идеи свободного и продуктивного человеческого духа.

Список литературы / References

Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал-ун-та, 1997.

Blokh E. Tyubingenskoye vvedeniye v filisofiyu [Of Tübingen introduction to philosophy]. Ekaterinburg, Ural Uni. Publ., 1997. (in Russ.)

Бур М., Иррлиц Г. Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы. М., 1978.

- Bur M., Irrliz G.** Prityazaniya razuma. Iz istorii nemezkoï klassicheskoi filosofii i literatury [The claim of reason. From the history of German classical philosophy and literature]. Moscow, 1978. (in Russ.)
- Волков Г. Н.** Сова Минервы. М.: Молодая гвардия, 1973.
Volkov G. N. Sova Minervy [Minerva's Owl]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1973. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 2001. Т. 3.
Gegel G. V. F. Lektzii po istorii filosofii [Lectures on the history of philosophy]. St. Petersburg, Nauka, 2001, vol. 3. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М.; Л., 1929. Т. 1: Энциклопедия философских наук. Ч. 1: Логика.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, Leningrad, 1929, vol. I. Entsiklopediya filisofskikh nauk [Encyclopedia of philosophical Sciences], part 1: Logic. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М., 1959. Т. 4: Феноменология духа.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, 1959, vol. 4: Fenomenologiya dukha [Phenomenology of Spirit]. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Соч. М., 1934. Т. 7: Философия права.
Hegel G. W. F. Sochineniya [Compositions]. Moscow, 1959, vol. 7: Philosophy of law. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Эстетика. М., 1971. Т. 3.
Hegel G. W. F. Estetika [Estetica]. Moscow, 1971, vol. 3. (in Russ.)
- Гегель Г. В. Ф.** Философия религии: В 2 т. М., 1977. Т. 2.
Hegel G. W. F. Filosofiya religii [Philosophy of religion]. In 2 vols. Moscow, 1977, vol. 2. (in Russ.)
- Гёте И. В.** Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957.
Goethe J. W. Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu [Selected Works on natural Science]. Moscow, 1957. (in Russ.)
- Гёте И. В.** Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 2: Фауст.
Goethe J. W. Sobraniye sochinenii [Collected works]. In 10 vols. Moscow, 1976, vol. 2: Faust. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Гёте и немецкая классическая философия // Вестник ОГУ. 2002. № 8. С. 112–119.

- Gorokhov P. A.** Gete i nemezskaya klassicheskaya filosofiya [Goethe and German classical philosophy]. *Vestnik OSU*, 2002, no. 8, p. 112–119. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Философия Иоганна Вольфганга Гёте. Екатеринбург, 2003а.
- Gorokhov P. A.** Filosofiya Johanna Wolfganga Goethe [The Philosophy of Johann Wolfgang Goethe]. Ekaterinburg, 2003. (in Russ.)
- Горохов П. А.** Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте: Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2003б.
- Gorokhov P. A.** Filosofskie osnovaniya mirovozzreniya Johanna Wolfganga Goethe [The philosophical foundations of Johann Wolfgang Goethe's worldview]. PhD Diss. in Philosophy. Ekaterinburg, 2003.
- Гулыга А. В.** Гегель. М.: Молодая гвардия, 1970.
- Gulyga A. V.** Hegel. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1970. (in Russ.)
- Гулыга А. В.** Немецкая классическая философия. 2-е изд. М., 2001.
- Gulyga A. V.** Nemetskaya klassicheskaya filosofiya [German classical philosophy]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Михайлов А. В.** Стилистическая гармония и классический стиль в немецкой литературе // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 287–325.
- Mikhailov A. V.** Stilisticheskaya garmoniya i klassicheskii stil' v nemetskoj literature [Stylistic harmony and classical style in German literature]. In: Mikhailov A. V. Yazyki kultury [Language of culture]. Moscow, 1997, p. 287–325. (in Russ.)
- Свасьян К. А.** Философское мировоззрение Гёте. 2-е изд. М., 2001.
- Svasiyan K. A.** Filosofskoe mirovozzrenie Gete [Goethe's philosophical worldview]. Moscow, 2001. (in Russ.)
- Эккерман И. П.** Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1986.
- Ekkerman I. P.** Razgovory s Gete v posledniye gody ego zhizni [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moscow, 1986. (in Russ.)
- Glockner H.** Hegel. Stuttgart, 1929, Bd. 1.
- Goethe.** Unterhaltungen mit dem Kanzler von Müller. München, 1950.
- Goethes Werke. Weimarer Ausgabe. IV. Weimar, 1975, Bd. 49.
- Goethes Sämtliche Werke in 40 Bänden. Berlin, 1970, Bd. 30.
- Hamm H.** Der Theoretiker Goethe. Berlin, 1975.

Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik. Leipzig, 1867.

Seaver G. Albert Schweitzer. New York, 1955.

Smitz H. Goethes Altersdenken im problemgeschichtlichen Zusammenhang. Bonn, 1959.

Материал поступил в редколлегию

Received

24.06.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Горохов Павел Александрович, доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (филиал в г. Оренбурге) (ул. Курача, 26, Оренбург, 460000, Россия)

Pavel A. Gorokhov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg Branch) (26 Kurach Str., Orenburg, 460000, Russian Federation)

erlitz@yandex.ru

Южанинова Екатерина Рафаэлевна, кандидат философских наук, доктор педагогических наук, доцент Оренбургского государственного университета (пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Россия)

Ekaterina R. Yuzhaninova, Candidate of Sciences (Philosophy), Doctor of Sciences (Pedagogical), Docent of Orenburg State University (13 Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation)

yuterina@yandex.ru